

НАЛЬЧИКСКИЙ КУРГАН

В 1966 г. на юго-западной окраине столицы Советской Кабардино-Балкарии г. Нальчика началось строительство Дворца культуры. На стройплощадке возвышался внушительного размера бугор. Его решили сровнять с землей. Но при первой же попытке снести часть холма выяснилось, что это древний курган. Строители доставили в местный музей два предмета, попавшие под ковш экскаватора: большой медный котел и обломок грубой каменной статуи — длинной плиты с выступом на одном конце, обозначающим голову. Обе вещи позволили археологам заранее сказать, к какому времени должны относиться захоронения в кургане. И медные клепаные котлы и так называемые антропоморфные стелы изготовлялись в III тыс. до н. э. Работы на строительстве были приостановлены. Встал вопрос о раскопках огромного кургана. Выполнить эту задачу довелось отряду, возглавляемому сотрудником Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института И. М. Чеченовым. Ныне раскопки закончены¹. Насыпь высотой почти в 10 м и диаметром более 100 м была снята при помощи механизмов. Обнаруженная под нею гробница тщательно описана, вычерчена, сфотографирована.

Как и ожидалось, под насыпью скрывалось захоронение. По типу найденных в нем вещей и обряду погребения курган можно датировать 2300—2000 гг. до н. э. и связать с майкопской археологической культурой. Эта культура, относящаяся к эпохе энеолита или к началу бронзового века, известна по раскопкам курганов и поселений главным образом в Прикубанье. Там расположены и давший название культуре Майкопский курган, находки из которого украшают «золотую кладовую» ленинградского Эрмитажа, и несколько более поздние курганы у станицы Новосвободной, обогатившие собрание Государственного исторического музея в Москве². Эти курганы были исследованы еще в конце прошлого века

¹ И. М. Чеченов. Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике. «Советская археология», 1970, № 2.

² О майкопской культуре см.: Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. «Материалы по археологии России» № 34, 1914; Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосвободной. М. 1963; А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М. 1965.

профессором Н. И. Веселовским. С тех пор столь богатых курганов майкопской культуры раскапывать не доводилось. По количеству и составу находок Нальчикский курган вполне может соперничать если не с Майкопским, то по крайней мере с Новосвободненскими. Значение его возрастает как потому, что он находится в другой части Кавказа, так и потому, что этот курган раскопан на современном научно-методическом уровне работы.

Захоронение было совершено в каменном сооружении площадью 3,13 на 2,34 м и высотой до 1,1 м, составленном по периметру из 24 вкопанных вертикально плит, перекрытых другими плитами, образующими плоский свод. В этом каменном склепе похоронили 2 чел., сопроводив погребение многочисленными приношениями. Пол склепа выстлан галькой. Умершие обильно засыпаны охрой. Внутри сооружен своеобразный шатер из жердей, обернутых золотыми лентами, — более скромный вариант балдахина, открытого в Майкопском кургане. На черепе одного из погребенных обнаружены 2 золотых височных кольца. Видимо, это женское захоронение. Около костяков лежали медные кинжалы, шилья с рукоятями, топор, долото, тесло, котел, кремневый наконечник дротика, несколько кремневых пластинок. Ножи одного из кинжалов украшены золотой обкладкой. Частью ожерелья или нашивками на одежду являлись рассыпанные по могильной камере 263 золотые бусины. Свернутая жгутом золотая лента, лежавшая рядом с костяками, служила, вероятно, оберткой деревянного посоха.

Эти находки очень важны для воссоздания истории древнего населения Кавказа. Перед нами скорее не захоронение рядового члена рода, а могила племенного вождя либо жреца. В рядовых майкопских курганах под сравнительно небольшими насыпями при погребенных обычно лежат лишь глиняный горшок или кремневый нож. Новая находка свидетельствует о начале распада родовой общины, происходившем на Северном Кавказе в весьма раннее время, что было обусловлено развитием здесь в еще более древнюю эпоху скотоводческо-земледельческого хозяйства. Вещи из Нальчикского кургана интересны и для истории древнейшей металлургии, для решения вопроса о связях культуры

энеолитического населения Кавказа с цивилизациями Передней Азии. Но, пожалуй, наибольший интерес вызывают такие необычные для майкопской культуры находки, как антропоморфные стелы и стелы с орнаментом. Выше упоминалось об обломке такой стелы, попавшемся строителям. Как выяснилось в ходе раскопок, эта стела была использована наряду с другими 23 плитами при возведении каменной гробницы. Среди плит, составлявших стены склепа, имелись еще 3 аналогичные антропоморфные стелы и 5 плит с гравированным геометрическим орнаментом. Длина этих тщательно отесанных плит 1,65—2,27 м, ширина 36—75 см, толщина 15—31 см. Это не статуи в собственном смысле слова, а только зачаток их: плоские плиты, в грубых чертах передающие контуры человеческого тела с выступом головы и скругленными плечами, или просто вытянутые плиты со скругленными концами.

Антропоморфные стелы эпохи бронзы знакомы археологам давно. Они встречаются в курганах Северного Причерноморья, относящихся главным образом к ямной культуре III тыс. до н. э. Хотя эти каменные истуканы примитивны, значение их для истории культуры велико. Во-первых, это древнейшие на данной территории изображения человека в монументальном искусстве, отражающие важный сдвиг в развитии духовной жизни первобытного общества. Во-вторых, почти тождественные по типу статуи встречаются во Франции, Италии, Болгарии и Румынии, что наводит на мысль о связях между племенами, обитавшими в древности в этих районах. При изучении причерноморских стел возникло много вопросов, и как раз для их решения оказались весьма ценными нальчикские находки.

Прежде всего вызывало спор, стояли ли стелы на курганах, как поздние половецкие каменные бабы, или нет. На вершине курганов антропоморфные стелы не были найдены ни разу, но это еще ничего не доказывает. Ведь точно так же ни разу не обнаружены на курганах и скифские изваяния. За многие столетия, прошедшие после возведения курганов, статуи могли быть сняты с них позднейшими обитателями степей и использованы как строительный материал. Сложность заключается в другом: стелы нередко находили в перекрытии могил ямной культуры. Появилось предположение, что для этого их и изготовляли. Стелы, таким образом, начали считать как бы аналогичными маскам, накладывавшимся на

лица покойников в Микенах или в погребениях таштыкской культуры Сибири. Анализ примерно 50 стел, найденных к 1967 г., позволил утверждать, что эта гипотеза неверна. Положение стел в могилах оказалось не строго закономерным, а разным. Многие из них были разбиты на части. По сохранности поверхности некоторых стел видно, что в свое время они были врыты вертикально. Значит, в перекрытие могил стелы попали уже вторично, после использования по иному назначению. Археологические и этнографические материалы свидетельствуют, что культовые памятники нередко почитались очень недолго и вскоре же после их создания превращались в простой камень для сооружения домов или могил. То же самое произошло с антропоморфными стелами ямной культуры³.

С этими выводами согласился ряд археологов как у нас, так и за рубежом. Но некоторые специалисты остались при старом мнении: стелы изготовлялись именно для перекрытия могил⁴. Появилась и новая гипотеза. Украинские археологи Н. М. Шмаглей и И. Т. Черняков высказали предположение, что стелы заменяли человека, сопровождавшего покойника на тот свет: жену или раба; то есть погребения со стелами — это эквивалент так называемых парных захоронений⁵. Однако стелы из Нальчикского кургана были обнаружены среди плит каменного склепа вкопанными вниз головой: явно вторичное положение, а не черта обряда, не замена людей, сопровождавших покойника (тех вниз головой никогда не зарывали). Возникает все же вопрос: вкопаны ли стелы в таком положении только потому, что легче было вогнать в землю узкий конец плиты с выступом, или же это сознательное унижение статуи? Вспоминается давний спор о назначении тюркских каменных баб. Из древних письменных источников известно, что тюрки ставили у могилы камни, обозначавшие врат, убитых умершим. «Если он убил одного человека, то ставят один камень. У многих число таких камней простирается до ста и даже до

³ Подробнее см.: А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству. М. 1969, стр. 172—189.

⁴ Э. А. Рикман. Художественные сокровища древней Молдавии. Кишинев. 1969, стр. 22.

⁵ Н. М. Шмаглей, И. Т. Черняков. Раскопки курганов эпохи бронзы в Татарбунарском районе Одесской области. «Советская археология». 1970. № 1. стр. 118.

тысячи⁶. Археологи-востоковеды немало спорили, представляют ли собой тюркские каменные изваяния портреты самих умерших или же убитых ими врагов. Обычай, отмеченный хроникой «Тан-шу» в 552 г. н. э., возник гораздо раньше. Это же имело место, в частности, на Кавказе. Аристотель упоминал о традиции иберов вбивать около могил столько колышков, сколько покойник убил врагов⁷. Николай Дамасский (род. в 64 г. до н. э.) в «Своде странных обычаев» говорит о сходном обряде у синдов (в разных чтениях текст звучит неодинаково: не то в могилу синды бросают столько камней, сколько врагов убил погребаемый, не то — столько же рыб)⁸. Не было ли чего-то похожего и в III тыс. до н. э. у племен майкопской культуры?

Нельзя исключать такое предположение. Любопытно, впрочем, что, кроме антропоморфных стел, среди плит гробницы найдены и стелы, ничем не напоминающие фигуру человека, без выступа головы, однако покрытые орнаментом. Это тоже культовые памятники, но какая-то иная их разновидность. По собраниям антропоморфных изваяний Франции можно проследить, как постепенно схематизировалось выгравированное изображение лица и рук, превращаясь в чисто орнаментальную схему. В конце концов орнамент совершенно забывает изображение⁹. Некоторые плиты из Нальчика могут принадлежать к этой категории. Люди, создавшие стелы такого рода, воспринимали их как изображения людей, хотя в гравированном орнаменте ни лица, ни рук, ни каких-либо других реальных черт человека усмотреть нельзя. На территории СССР известно несколько каменных плит с гравировками, отличающихся от антропоморфных стел, но связанных с курганами того же III тыс. до н. э. Такие плиты есть в курганах Крыма (Бахчи-эли, Марьино) и Николаевщины (Баратовка). Особенно интересные плиты были обнаружены еще в 1903 г. в кургане у с. Вербовка (ныне Чер-

касской обл.). Ни в одной из 17 орнаментированных плит нельзя увидеть изображение человека. Высказывалось предположение, что орнамент был нанесен на кромлех — пояс камней, окружавший насыпь Вербовского кургана. Может быть, и так; но после находки в Нальчике правомерно и другое предположение: для кромлеха были использованы своеобразные стелы с орнаментом.

Еще раньше было замечено, что стелы встречаются в курганах не поодиночке, а по нескольку штук. В Нальчике стел — 9. Как же образовались такие их скопления? Возможно, по соседству с данным кладбищем существовало другое, более древнее, где на каждом кургане стоял каменный памятник. Их сняли и использовали как строительный материал. Но не менее вероятна и иная картина: стелы стояли не на курганах, а в святилище. Оттуда, после утраты святилищем былой роли, камни брали для сооружения склепов вроде нальчикского, кромлехов вроде вербовского и для перекрытия могил. Святилища с рядами каменных идолов сохранились на Корсике¹⁰. У нас нечто подобное могло иметь место в Белогрудовке на Уманщине, где найдено сразу 5 стел без всяких захоронений. В таких святилищах вполне закономерно должны встречаться идолы неодинакового типа, воплощавшие образы разных божеств. К предположениям, что принесенные с курганов или из святилища идолы воспринимались как простой камень либо как статуи, которые нужно как-то унизить, уничтожить, разбить, вкопать вниз головой, можно добавить и третье. Зарывание стел в могилы могло быть чем-то аналогичным захоронению на кладбище старых, облупившихся икон — обычаю, практиковавшемуся в средневековой Руси¹¹.

Кого изображали антропоморфные стелы — умерших или божества, тоже спорный вопрос. В пользу того, что здесь изображения божеств, а не портреты умерших, говорит недавняя находка в кургане ямной культуры у с. Лиманы (Николаевская обл.) антропоморфной стелы с 4 выступами голов с личинами. Наконец, встает вопрос: племена какой археологической культуры создали нальчикские стелы? Иными словами, принесли ли люди, соорудившие склеп, плиты со своего майкопского кладбища ли-

⁶ И. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.-Л. 1950, стр. 230.

⁷ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. «Вестник древней истории» (ВДИ), 1947, № 2, стр. 330.

⁸ В. В. Латышев. Указ. соч. ВДИ, 1947, № 4, стр. 176.

⁹ J. Landau. L'art en France dans la protohistoire. Paris. 1965, fig. 21, 22 (6 et 7); M. Hoernes, O. Menghin. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa. Wien. 1925, S. 222, Abb. 3.

¹⁰ R. Grosjean. Filitosa. Strassbourg. 1964, ill. 5, 14, 15.

¹¹ Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб. 1906, стр. 320.

бо святилища, или же с чужого, иноплеменного, к которому не испытывали никакого почтения? Большинство антропоморфных стел Причерноморья связано с ямной культурой. Степные ямные племена соседнили с обитавшими в предгорьях майкопскими. С какого-нибудь ямного святилища майкопцы, конечно, могли взять стелы для возведения гробницы. Но стелы были свойственны не только ямной, а и ряду других одновременных культур, распространенных во Франции, Италии, на Балканах. Могли существовать такие идолы и у майкопских племен.

В связи с этим обстоятельством возникает новая проблема: с запада ли на Кавказ пришел обычай изготовления антропоморфных стел или, наоборот, с Кавказа — в Северное Причерноморье, отсюда — на Балканы и далее на Апеннины и во Францию? Раньше специалисты говорили только о первом направлении. Едва прошел слух о нальчикской находке, как украинский археолог А. М. Лесков тотчас высказался за второе¹², причем место находки перепутал, заменив Налчик Майкопом, но зато впервые привлек материалы из Передней Азии. Он указал, в частности, на статуи из Алаха¹³ и Тель-Рифата¹⁴, несколько напоминающие ямные стелы (правда, не нальчик-

ские). Гипотеза о переднеазиатских прототипах нальчикских и причерноморских стел заманчива, однако слабо обоснована. Статуи Тель-Рифата и Алаха похожи на ямные только тем, что на них обозначены лишь лицо и руки. При раскопках обоих поселений обнаружены гораздо более натуралистические скульптуры, каких на нашей территории мы не знаем. На статуе из Алаха выделена большая круглая голова, так что очертания фигуры совершенно иные, чем у причерноморских стел с коротким прямоугольным или полукруглым выступом на месте головы. Нет у переднеазиатских скульптур и атрибутов ямных статуй — топориков, посохов с загнутым концом и т. д.

Тем не менее нальчикская находка, удаленная от Черного моря и приуроченная уже к Центральному Кавказу, заставляет по-новому взглянуть на проблему антропоморфных стел. Нужно поискать эти своеобразные памятники и в других районах Кавказа. Пока что восточнее Украины они отмечены в низовьях Дона и в одном случае — в Дагестане (Шах-Сенгер). На многие вопросы, как видно, пока нельзя еще дать четкого ответа; высказываются лишь предположения, иногда исключаящие друг друга. Первобытная археология — сравнительно молодая наука. Нередко новые находки вынуждают коренным образом менять утвердившиеся мнения. Так или иначе, мы должны быть благодарны нальчикским строителям, принесшим обломок каменной стелы в музей. Наука получила в свое распоряжение новый важный исторический источник.

А. А. Формозов

¹² А. М. Лесков. Керченская экспедиция в 1967 г. «Археологические исследования на Украине в 1967 г.». Вып. II. Киев. 1968, стр. 5—7.

¹³ L. Wooley. Alalakh. An Account of the Excavations of Tell Atchana. Oxford. 1955, Pl. XLIV.

¹⁴ M. V. Setton Williams. Preliminary Report of the Excavations at Tell Rifa'at. «Iraq», 1961, vol. XXIII, pt. 1, pl. XXXIII(c).